

**В.Л. Коровин**

**КАРАМЗИН – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ  
А. ГАЛЛЕРА «О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА»:  
(ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ)**

***Аннотация***

В статье речь идет о дидактической поэме А. Галлера «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734) в прозаическом переводе Н.М. Карамзина (1786) и о некоторых ее отражениях в его оригинальном творчестве.

*Ключевые слова:* Галлер, теодицея, философские взгляды Карамзина.

**Korovin V.L.** *Karamzin as a translator of the Haller's poem «On the Origin of Evil»*

*Summary.* The article deals with the N.M. Karamzin's translation (1786) of the poem «On the Origin of Evil» («Über den Ursprung des Übels», 1734) by A. Haller.

Дидактическую поэму швейцарского ученого Альбрехта фон Галлера (1708–1777) «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734), одно из его главных (наряду с описательной поэмой «Альпы», 1729) стихотворных сочинений, Н.М. Карамзин перевел в прозе и сопроводил собственными примечаниями. Перевод был издан в 1786 г. Типографической компанией<sup>1</sup>, незадолго до того организованной кружком московских масонов-розенкрейцеров, и оказался первым выступлением Карамзина в печати после его переезда в Москву<sup>2</sup>. Ю.М. Лотман сделал естественное предположение, что поэма была переведена Карамзиным, «видимо, по заданию Н.И. Новикова»<sup>3</sup>, но сам же отметил, что традиции, представляемые швейцарским мыслителем и московскими масонами,

были «глубоко противоположны»<sup>4</sup>. Более вероятным кажется мнение предшественников Ю.М. Лотмана, что эту поэму Карамзин перевел по своей инициативе. Так, Н.Н. Булич, говоря о выборе его переводов до европейского путешествия, высказался решительно: «Он показывает нам ясно, что Карамзин был или слишком молод для того, чтобы быть посвященным в тайны масонства и мистицизма, или ум и душа его не поддались их влиянию. И то и другое обстоятельство сохранили Карамзина от вредного влияния Новиковского кружка. <...> За исключением “Бесед с Богом” Штурма, в переводе которых принимал участие Карамзин, вероятно по заказу, другие переводы этого периода свидетельствуют о свободе выбора. “О происхождении зла”, поэма *великого* Галлера, трактующая этот знаменитый в духовной истории XVIII столетия вопрос с точки зрения оптимизма и развивающая теорию свободной воли, переведена была Карамзиным не по заказу. Перевод этот возник под влиянием тех философических разговоров, которые Карамзин вел со своими московскими друзьями. Без сомнения, в поэме Галлера он нашел удовлетворивший его ответ на задачу современной философии. Здесь действительно были затронуты главные вопросы религии и нравственности, занимавшие лучших мыслителей прошлого века, начиная с Бэйля и английских деистов. Здесь была изложена сущность “Теодицеи” Лейбница»<sup>5</sup>.

«Великим» (как он назван на титульном листе карамзинского перевода) Галлер почитался прежде всего среди европейских ученых-естественников, а не мистиков. Всеобщим признанием пользовались его труды по медицине, и в поэме «О происхождении зла», относящейся к «самому ядру» его небольшого по объему «поэтически-интеллектуального наследия»<sup>6</sup>, видное место занимают суждения о совершенном устройстве человеческого тела, которое доказывает любовь Творца к человеку: «Бог любит нас. Кто знает тело свое? Скажите, чего недостает в нем для полезности и увеселения? <...> Каждая часть печется о себе, но печется и о других... <...> Может ли Он поставить телу целию благо, а духу злощастие?.. Нет! благодать Твоя, Боже мой! весьма явна. Все творение показывает любовь Твою» (с. 75–77). Не случайно, что второй (уже стихотворный) перевод этой поэмы на русский язык (1798) принадлежал студенту Московской духовной академии,

учившемуся позднее в Медико-хирургической академии, – Петру Ивановичу Богданову (1776–1816)<sup>7</sup>.

В России в конце XVIII в. Галлер – один наиболее почитаемых швейцарских авторов<sup>8</sup>. Для Карамзина он сохранял актуальность и после разрыва с масонами. В «Письмах русского путешественника» (где Галлер упоминается неоднократно) сообщается о беседе о нем с Ш. Бонне и высказывании последнего насчет переведенной Карамзиным поэмы: «Боннет называет Галлерову Поэму *о происхождении зла* самую лучшею из философических стихотворений»<sup>9</sup>.

Карамзинский перевод поэмы Галлера стал «фактом не только истории русской литературы, но и философии»<sup>10</sup>, и, видимо, пользовался успехом у разных читателей (список с печатного издания сохранился в составе одного рукописного конволюта конца 1780-х годов<sup>11</sup>). Как и другие свои отдельно изданные ранние переводы (из Геснера, Шекспира, Лессинга), Карамзин его впоследствии не переиздавал, но работа над переводом оказала влияние на формирование его философских и литературно-эстетических взглядов. В.В. Сиповский, исходя из примечаний переводчика, сделал вывод о его особенной увлеченности поэмой: «Видимо, юноша смаковал это произведение, и никакие сомнения в истине картин, нарисованных Галлером, не закрадывались в его душу. Восторженно принял Карамзин и учение Галлера о свободной воле. <...> Так же охотно согласился Карамзин с Галлером, что для счастья человека мало дружбы, богатства, славы – главное, надо быть добродетельным»<sup>12</sup>. В нижеследующих заметках приводятся некоторые наблюдения, подтверждающие мысль о самостоятельности Карамзина в этом литературном труде, некоторым образом отразившемся и в его позднейшем творчестве.

\* \* \*

Свой труд Карамзин посвятил «Его высокоблагородию, милостивому государю Василию Михайловичу Карамзину» (родному старшему брату) со следующим текстом: «Родство и дружба соединяют *сердца наши* союзом *неразрывным*. Всегда почитаю я то время щастливейшим временем жизни моея, когда имею случай излить пред Вами ощущения сердца моего; когда имею случай

сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю. Да внушит же Вам приношение сие оную истину и да послужит *новым* для Вас удостоверением, что я во всю жизнь свою буду / Вашим покорнейшим братом и слугою / Николай Карамзин» [с. 5–6].

Это посвящение, во-первых, выглядит как заявление переводчика о том, что его труд не имеет отношения к масонским связям и их духовному «братству» (поскольку адресовано настоящему старшему брату), а во-вторых, перекликается с текстом самой поэмы. Во второй (из трех) песни Галлер пишет: «И в нас впечатлел Бог величественный образ Свой; не только владыками зверей *создал* Он нас. Ему угодно было вложить во внутренность нашу два различные побуждения: любовь к самому себе и любовь к ближнему. Одна другой превосходнее; но и первая, будучи невинна, какова тогда еще была она, есть плодоносный источник трудов и терпения» [с. 39–40]. Далее на нескольких страницах перечисляются благодетельные следствия этих вложенных в человеческую природу «побуждений», в особенности любви к ближнему: от нее происходят дружба, брачные союзы, любовь к детям и к самому Богу: «Любовь сия была первою цепию человеков. <...> И к самым небесам восходят чистые пламена ея; к Богу ведут нас оные, происшедши сами из любви Его. Влечение ея вечно стремится к любви достойному, и успокаивается токмо во обладании высшим благом» [с. 42–44]<sup>13</sup>. Начав посвящение со слов «родство и дружба», Карамзин указал на тот случай, когда любовь к себе и любовь к ближнему действовали заодно и побудили его к «новому» литературному труду.

\* \* \*

Главный вопрос поэмы – как в мире, который был сотворен совершенным, возникло зло? – живо интересовал молодого Карамзина и, видимо, часто был предметом его бесед с А.А. Петровым<sup>14</sup>. Об этом есть свидетельство в отклике на смерть последнего «Цветок на гроб моего Агатона» (1793), где Карамзин цитирует обращенное к нему письмо друга: «Усердно желаю, мой любезный друг, чтобы везде встречались тебе такие люди, которых знакомство и воспоминание возвышало бы удовольствия, находимые тобою в наслаждении прекрасною Природою, и утешало бы тебя

в неприятном опыте, что везде есть зло. Могу себе представить, что сей опыт часто тебя огорчает и приводит в такое грустное расположение, в каком я видал тебя, живши с тобою». Карамзин сразу вслед за этим прибавляет: «Так, мой друг, везде есть зло...»<sup>15</sup>, и рассказывает о смерти друга. Слова Петрова можно было истолковать как полуироническую отсылку к их беседам о поэме Галлера, а комментарий Карамзина – как заявление, что эта проблема занимает его по-прежнему, и не без серьезных причин.

\* \* \*

В поэме Галлера происхождение зла объясняется уклонением свободной воли ангелов, обольстившихся собственным совершенством: «Гордость их пременила страх Божий на ненависть к Творцу... <...> Бог наказал возмущение, и гордость их соделалась их срамом; зло избрано было, злые были и следствия избрания сего. Наконец раскаяние без покаяния, отчаяние в рассуждении спасения и злоба без могущества были частию отпадших» [с. 52–53]. С тех пор мир духов лишился свободы выбора, в отличие от «слабых чад Адамовых» [с. 54], не сумевших воспротивиться влиянию злых духов, но не утративших после грехопадения ни свободы, ни надежды на спасение.

К высказыванию Галлера «Бог не любит никакого принуждения; мир со всеми своими недостатками превосходнее царства Ангелов, воли лишенных» [с. 29] Карамзин дал свое примечание: «Мысль, полное внимание читателя заслуживающая. Свободная воля причинила падение человека, свободная воля токмо может и паки восстановить падшего; она есть драгоценный дар Творца, сообщенный Им тварям избранным» (с. 29–30). Именно это примечание обычно цитируют, говоря о карамзинском переводе поэмы. Еще М.П. Погодин заметил, что оно «...показывает начавшееся знакомство Карамзина с учением масонов в Дружеском обществе»<sup>16</sup>. Однако в самом галлеровом учении о свободе воли, которое переводчик воспринял «восторженно» (В.В. Сиповский), не было ничего специально интересного для масонского окружения Карамзина: оно согласуется с общими основаниями христианского вероучения. Правда, в поэме Галлер умалчивает об Искуплении, о Христе, но лишь потому что не желает касаться

мистических вопросов в философской поэме (об этом он написал в предисловии к поэме, а чистой апологии христианского вероучения Галлер позднее посвятил особое сочинение, вышедшее в русском переводе в 1799 г.<sup>17</sup>). Возможно, именно осторожность, с которой Галлер в своей поэме обошел догматические вопросы, ее чистая «философичность», среди прочего, и привлекли внимание Карамзина к этой поэме.

Кажется, не столько учение о свободе воли, сколько мысли о принципиальной ограниченности познания человеком мира, об уединении («мать изобретений» — с. 15) и взаимосвязанности «добродетели» и «счастья» были созвучны идейным исканиям молодого Карамзина. Галлер решал метафизический вопрос о происхождении зла, но делал это в апологетических целях, чтоб опровергнуть манихейские представления («...разве Манес восторжествует над Богом и Истиною? Разве не возгорится в нас огонь ревности, когда на Бога хулы изрыгают?» — с. 24), и на первый план ставил практические нравоучение: «Но где я? куда увлекаюсь? Бог требует от нас дел, а не познаний. Воля Его нам известна: Он повелевает убегать пороков, а не стараться тщетно открывать причину их существования» [с. 23]. Карамзин, как небезосновательно принято считать, был склонен к агностицизму, и ему эта позиция должна была импонировать. В этой связи можно указать на рассказ о встрече с Кантом в «Письмах русского путешественника» и другие тексты (см., например, признание в частном письме 1816 г., где он отчетливо противопоставляет свою жизненную позицию масонской теории и практике: «Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком; хочу любить как можно более, не мечтаю даже и о *возрождении* нравственном в теле. Будем в середине немного получше того, как мы были во втормик, и довольны с нас, ленивых»<sup>18</sup>).

По Галлеру, счастье человека имеет условием добродетель. Бог дал человеку болезни для тела и стыд для души, чтобы человек, лишившись покоя (и счастья), познавал свои проступки и заблуждения, чтобы, стремясь к счастью, стремился к добродетели: «Уклоняющийся от добродетели отказывается от счастья своего. Должности суть путь, уставленный Богом ко благополучию; сердце, в коем порок господствует, никогда не любило себя. Извне не втекает никакое утешение, когда мы во внутренности

мучимся. Наслаждение бывает для нас отвратительно, коль скоро лишаемся истинных потребностей» [с. 60–61]. К этим словам Карамзин дал примечание: «Истина неопровергаемая и каждым человеком ощущаемая! Будешь окружен возлюбленными, будешь знатен, будешь богат, но все еще не будешь спокоен. Для чего? для того, что ты лишен истинных потребностей; все сии блага суть для тебя блага чуждые» [с. 61].

Эта «истина» – одна из центральных в философской публицистике Карамзина и, в особенности, в его «Разговоре о щастии. Филалет и Мелодор» (1797). Идейные переключки этого диалога с поэмой Галлера вполне могут стать предметом отдельного исследования. Здесь ограничимся указанием на одно чисто текстуальное соответствие.

В поэме внимание Карамзина привлекло следующее рассуждение: «Ни время, ни страна, ни обыкновение не могут переменить натуру: источник течет везде, а токмо единый вид течения переменяется. Всюе какой-либо народ прославляет невинность нравов своих <...> Лапландцы <...> суть также рабы пороков. Они подобно нам *нерадивы*, исполнены скотских вожделений, суетны, корыстолюбивы, леностны, завистливы и злобны. Не все ли едино, рыбий ли жир или золото смертоносную вражду производит?» [с. 59–60]. К последним словам дано примечание переводчика: «Мысль и выражение сие доказывают, что Галлер имел дар в немногих словах сказывать много» [с. 60]. В «Разговоре о щастии», доказывая (подобно Галлеру), что удовольствия человек ощущает при любом общественном положении и уровне развития, Карамзин, чтоб «в немногих словах сказать многое», использует тот же «рыбий жир»: «У камчадала также есть сердце, которому известны приятные движения чувствительности; он любит своих домашних, любит звериную ловлю и с удовольствием катится домой на обледенелых лыжах своих, воображая тепло, отдых, поцелуй жены и... рыбий жир на столе. – Истинные удовольствия равняют людей»<sup>19</sup>.

---

<sup>1</sup> О происхождении зла, поэма великого Галлера / Перевод с немецкого <Н.М. Карамзина>. – М.: В тип. Компании Типографической, с указного дозволения. – 1786. – 78 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (номера страниц).

- <sup>2</sup> Вообще это был второй по счету опубликованный литературный труд Карамзина. Первым был перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783).
- <sup>3</sup> *Лотман Ю.М.* Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина (1789–1803) // *Лотман Ю.М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. Заметки и рецензии. – СПб., 1997. – С. 314.
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> *Булич Н.* Отношение Карамзина к Дружескому Обществу и к идеям масонства и мистицизма // Н.М. Карамзин. Его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. – Изд. 2-е. – М., 1908. – С. 39.
- <sup>6</sup> *Михайлов А.В.* Альбрехт фон Галлер // История швейцарской литературы. – Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 296.
- <sup>7</sup> Поэма о происхождении зла, переложенная на российские стихи М<осковской> А<кадемии> с<тудентом> П<етром> Б<огдановым>. Из творений г. Галлера. Изданием издателя. – [М.]: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – 84 с. О переводчике см.: *Фоменко И.Ю.* Богданов Петр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 1. – Л.: Наука, 1988. – С. 102.
- <sup>8</sup> См.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С. 50–59.
- <sup>9</sup> *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л.: Наука, 1984. – С. 185. – (Литературные памятники).
- <sup>10</sup> История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т. II: Драматургия. Поэзия. – СПб.: Наука, 1996. – С. 162.
- <sup>11</sup> См.: *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. – М.: Книга, 1981. – С. 163.
- <sup>12</sup> *Ситовский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб., 1899. – С. 87.
- <sup>13</sup> Заключительная фраза является аллюзией на «Исповедь» св. бл. Августина. Ср. в стихотворном переводе П.И. Богданова: «Ея чистейший огонь восходит к небесам, / Доходит до Творца – не гаснет даже там. / Она к достойному любви всегда стремится, / И может благом лишь всевышним насладиться» [с. 41–42].
- <sup>14</sup> Об их отношениях см., например: *Лазарчук Р.М.* Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. – Сб. 20. – СПб.: Наука, 1996. – С. 135–143.
- <sup>15</sup> *Карамзин Н.М.* Соч.: [В 8 т.]. – М., 1803. – Т. 7. – С. 10–11.
- <sup>16</sup> *Погодин М.Н.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями: [В 2 ч.]. – М., 1866. – Ч. 1. – С. 51.
- <sup>17</sup> Письма г. барона А. Галлера о важнейших истинах Премудраго Божественнаго Промысла / Перевод с немецкого. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия,

1799. – 375 с. Эта книга Галлера была написана в форме писем к дочери. Лафатер, недовольный его апологией христианства, писал Циммерману: «Письма Галлера о христианстве содержат кое-где хорошие мысли. Но от такого великого человека я никогда не ожидал столь плохой защиты христианской религии. Его богословие скверное, и с его собственной философией оно находится в разительном противоречии. Так защищать христианство – значит его предавать» (цит. по: Меркулов В.Л. Альбрехт Галлер. – Л.: Наука, 1981. – С. 155).

<sup>18</sup> <Письмо Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу от 13 апреля 1816 г.> // Русская Старина. – 1899. – № 2. – С. 473.

<sup>19</sup> Карамзин Н.М. Соч.: [В 8 т.]. – М., 1803. – Т. 7. – С. 249–250.